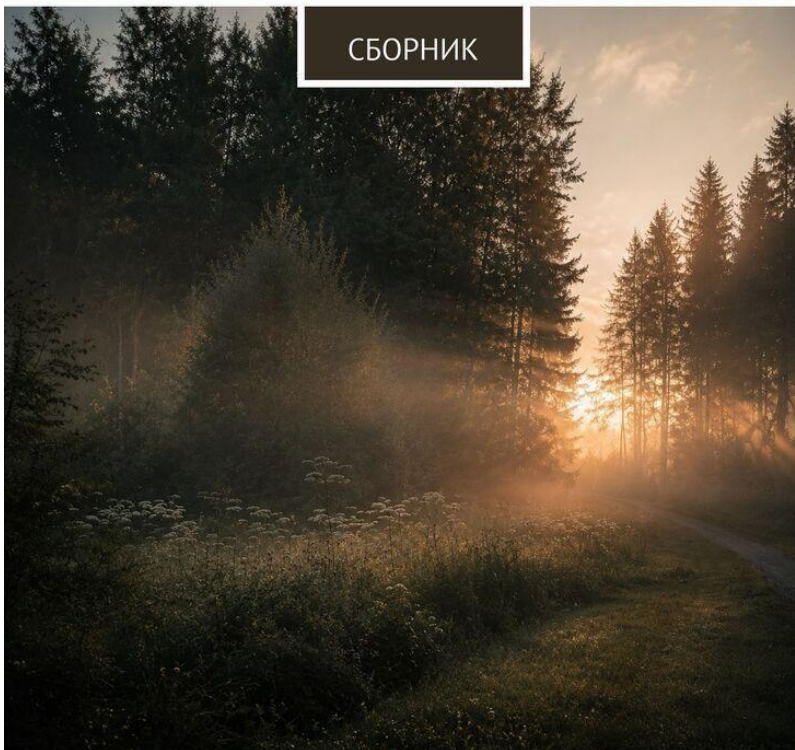

18+

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
КОРЧЕБНЫЙ

Бытие

СБОРНИК

Сергей Корчебный

Бытие. Сборник

<https://litres.ru/74154863>

ISBN 9785007022347

Аннотация

Сборник «Бытие» это не развлекательная проза, а глубокое исследование тёмных сторон человеческой души. В него вошли повести «Морок» (о вине и безумии после убийства брата) и «Мия» (о психологе, сходящем с ума в комнате с жёлтыми обоями), ранее опубликованные отдельными изданиями, а также рассказы, поэмы и стихи — от притч о дружбе до психологических зарисовок о природе зла. Для вдумчивого чтения.

Содержание

РАССКАЗЫ	5
РОЗА	5
ГУЛЯНКА	13
ПОЛЯНА	16
КАФЕ	22
МОЕ ВАМ НЕСМЫСЛИЕ	30
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	42
ЗЕРКАЛЬНОЕ ЭХО	44
ТИХИЙ ГОРОД	47
ПАРАДОКС	52
НАШЕ ПОНИМАНИЕ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Бытие Сборник

**Сергей Александрович
Корчебный**

© Сергей Александрович Корчебный, 2026

ISBN 978-5-0070-2234-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

РОЗА

Стоял тот самый серый денек, когда зима вот-вот должна была смениться весной. Жители городка ждали тепла как спасения — всем до смерти надоели чертовы дороги, превратившиеся в кашу из грязи и глубоких колеяй.

По двору типичного спального района бродил Тимофей Смирнов. Парню было лет пятнадцать: рыжий, веснушчатый, с покрасневшими от мороза щеками. Он кутался в зеленый пуховик и теплые штаны, спасаясь от затянувшихся холодов. В его голубых глазах застыла тихая апатия. Тимофей просто убивал время, рассматривая серую пятиэтажку, в окнах которой горели чьи-то чужие жизни. Подъезды светились резким зеленым светом, голые ветки деревьев чернели на фоне темного неба, а над головой тянулись бесконечные провода. В этом одиночестве панельных дворов был какой-то свой, «думерский» уют.

— Если честно, эта меланхолия меня просто душит, — прошептал он сам себе. — Надо либо что-то менять, либо я так и загнусь здесь. Друзья советовали начать всё с чистого

листа, но я пока не уверен, что смогу.

Обычно его жизнь была пустой рутинной: телевизор, потолок и бесцельная трата времени. Никаких важных дел, только скука. Прогулка закончилась в парке. В глубоких сумерках он присел на лавочку и засмотрелся на небо.

— Ох, луна... только ты меня и понимаешь, — выдохнул он. — Моя верная спутница. От тебя идет такой покой, будто ты вот-вот заговоришь со мной.

Полюбовавшись луной еще немного, Тимофей отправился домой. Спустя час он уже был в тепле. Его любимым местом был зал — старая гостиная, застывшая во времени. Стены в цветочек, картина в золотой раме, потолок в белой плитке и классическая люстра с мягким желтым светом. Вдоль стены стояла массивная деревянная «стенка» с посудой за стеклом, а на полу лежал большой ковер с узорами. У окна, прикрытого белым тюлем, стоял старый пузатый телевизор. Рядом — мягкое кресло и диван, заваленный вещами. В этой комнате, пропитанной тишиной и ностальгией по прошлому, Тимофей наконец чувствовал себя на своем месте.

Парень на скорую руку сообразил себе ужин и устроился перед телевизором. Под бормотание какого-то канала он лениво перемывал посуду, погрузившись в привычные мыс-

ли. Он мечтал о другой жизни — яркой и счастливой, которая пока существовала лишь в его голове. Монотонный шум эфира быстро сделал своё дело: веки потяжелели, и парень провалился в глубокий сон.

Ему приснилось, будто он, как обычно, выходит из своего подъезда. Но вместо серого асфальта и пыльных машин перед ним раскинулся бескрайний сад. Стоял залитый солнцем день. Куда ни глянь — повсюду цвели розы, белоснежные и чистые, словно свежевывавший снег. От этой красоты на душе стало удивительно легко, и парень невольно заулыбался. Он поднял глаза к небу, чувствуя, как ночная прохлада сна смешивается с теплом солнечных лучей, и восхищенно выдохнул:

— Да что же за чудесный вид!

Парня будто подменили. Всегда меланхоличный и «спокойный как удав», здесь он вдруг начал носиться по саду и дурачиться, словно ребёнок. Обычно он и шагу лишнего не сделает, а тут — смех, беготня и чистый восторг. Видимо, эта невероятная красота, которой ему так не хватало в серой реальности, вскружила ему голову.

Но в разгар этого веселья парень случайно задел один из лепестков. В ту же секунду сказка начала рушиться: белая

роза под его рукой мгновенно вспыхнула алым. Словно капля чернил в воде, красный цвет начал стремительно расплываться от цветка к цветку, и вскоре весь ряд белоснежных роз окрасился в тревожный кровавый оттенок.

Парень не на шутку испугался. От его недавнего восторга не осталось и следа — он закричал, растерянно озираясь по сторонам:

— Да что это такое? Что происходит?!

В этот момент его спокойствие окончательно рухнуло. Мир вокруг стал стремительно расти, а точнее — сам парень начал уменьшаться. Любимая одежда вдруг стала непомерно большой и тяжелой, рукава потянулись по земле, а воротник едва не скрыл лицо. Он стал крошечным, словно насекомое, и в ту же секунду земля под ногами исчезла: парень начал проваливаться в пугающую неизвестность.

Падение казалось бесконечным. В какой-то момент он понял, что превратился в десятилетнего ребенка. Мальчишка отчаянно барахтался в пустоте, пытаясь ухватиться хоть за что-то, и кричал, но бездна безмолвно поглощала все звуки. Попытки спастись были бесполезны — он просто летел вниз, потеряв счет времени.

Наконец, полет прервался резким ударом. Мальчик боль-

но приземлился на что-то твердое и холодное. Потирая ушибленные колени, он огляделся и понял, что сидит посреди пустынной дороги. Она уходила далеко вперед и, вопреки всем законам логики, вела прямо к Луне. Огромный сияющий диск больше не казался далеким небесным телом — Луна висела совсем рядом, маня своим призрачным светом.

— Луна? Подруженька... это правда ты? — раздался тихий, неокрепший детский голосок. Мальчик во все глаза смотрел на огромный светящийся диск, вжимая плечи от страха и недоверия.

Вдруг Луна заискрилась, по её поверхности пробежали мягкие блики, и в тишине раздался глубокий, рокочущий эхом голос:

— Что же ты сторонись меня, дитя моё? Неужто боишься? Зачем бы я звала тебя к себе, если бы хотела причинить вред?

— Не знаю! Ох, не знаю, милая Луна! — вскрикнул мальчик, всплеснув руками. — Прошу, скажи, зачем ты меня сюда привела?

Луна ласково засияла, и её голос прозвучал мягко, как колыбельная:

— Оттого, что сердце моё сжималось, глядя на тебя. Ты был так одинок и печален, дитя моё. В твоих глазах я видела лишь беспросветную тоску, и я не смогла пройти мимо — решила поговорить с тобой. Расскажи мне всё, милое создание. Что так сильно тревожит твоё маленькое сердечко?

Мальчик замялся и виновато опустил глаза, разглядывая дорогу под ногами.

— Да знаешь, величавая Луна... тяжко мне оттого, что все меня бросили. Даня, Саша, Настя — мы ведь раньше вместе гуляли, носились повсюду... А теперь они ушли, и я совсем один. У меня просто руки опустились, и каждый новый день кажется серым и тоскливым. А люди вокруг только и твердят, что я лентяй и простофиля, будто я просто не хочу ничего делать. Но мне просто очень грустно...

— Ах, дитя моё прекрасное... Значит, одиночество гложет тебя, дружок? — Луна сочувственно вздохнула, и её свет стал чуть ярче. — Открою тебе одну тайну: даже когда кажется, что мир опустел и все тебя оставили, это не конец. Оставь эти обиды позади. Просто остановись и подумай спокойно: почему они так поступили? И почему ты так сильно расстроился? Если поймёшь это, то в следующий раз будешь сильнее. Отпусти их с миром, не держись за тех, кто ушёл.

Как только ты освободишь своё сердце от этой тяжести, ты увидишь — в тебе достаточно сил, чтобы стать самым лучшим!

Мальчик поднял глаза, и вся его печаль в миг испарилась. Он буквально засиял изнутри, согретый ласковым лунным светом и её добрым напутствием.

— Спасибо тебе, величавая Луна! — звонко выкрикнул он. — Я никогда этого не забуду, буду в долгу перед тобой вовек!

От переполнявшей его радости он крепко, по-детски обнял сияющий диск. В ту же секунду его подбросило вверх, и он стремительно полетел сквозь облака. Мир вокруг преобразился: ночная тьма сменилась бесконечной синевой и пушистыми белыми облаками. Прямо перед ним, в самом центре небосвода, торжественно всходило солнце. Мальчик летел ему навстречу и широко, счастливо улыбался.

В этот миг он резко открыл глаза и сел на кровати. Комната была залита утренним светом, а на душе стало непривычно легко. Парень понял: это был всего лишь сон, но какой-то особенный, живой. Сон-подсказка, который в одночасье прогнал вечную меланхолию и скуку. От прежнего сонного «зеваки» не осталось и следа — внутри него бурлила

энергия, а забытое чувство радости и веры в себя наконец-то вернулось в его жизнь.

ГУЛЯНКА

Слышали про Фому Лебедева? Того самого, про которого в деревне говорят «сорвиголова»? Если нет, то знакомьтесь. Фома — это настоящий ураган. Вечно он куда-то несется, распугивая кур и хохоча на всю улицу. Друзья за ним — в огонь и в воду, ведь скучно с Фомой не бывает. Ему что ни день, то приключение: то в крапиву улетит, то с забора свалится, но только отряхнется и снова сияет.

Есть у него закадычный друг — Петя. Соседки на лавочках так и судачат: «Надо же, как братья родные!». Но другие так не думают: «Да какой там! Наш Петруша — умница, всё за книжками сидит, а этот оболтус его только с толку сбивает».

И правда, Петя — полная противоположность Фоме. Тихий, серьезный, рубашка всегда заправлена. Родители на него не нарадуются, а на Фому только смотрят с досадой: «Когда ж он уже угомонится?»

Пришла весна. Солнце пригрело так, что дома сидеть стало невмоготу. Фома пулей выскочил во двор и примчался к Пете. Забарабанил в дверь так, будто пожар начался.

— Петруха! Выходи! — орал он на всю округу. — Кончай

страницы листать!

А Петя как раз читал Гоголя. От грохота буквы поплыли перед глазами. Он со вздохом отложил книгу и открыл дверь.

— Опять ты за своё? — проворчал Петя. — Что случилось?

— Пошли гулять! Там такое! — глаза у Фомы горели, как два уголька.

Петя понял: спорить бесполезно. Накинул куртку и поплелся следом, едва поспевая за прытким другом. Фома затащил его в лес, к самой солнечной поляне, и с разбегу рухнул в молодую траву.

— Ну ты и дурак, Фома, — усмехнулся Петя, стоя на краю. — Одежду испачкаешь — от мамки влетит.

— Да брось ты! — махнул рукой Фома. — Глянь, лепота-то какая!

Немного погодя Фома вскочил:

— А пойдем к ручью? Воды попьем!

Петя аж опешил: «Пить из ручья? С ума сошел, дома же чайник есть... Совсем ленивый стал». Но всё равно пошел следом.

У ручья Фома жадно напился ледяной воды, умылся и вдруг замер, глядя на своё отражение.

— Слушай, Петрух... Ты ж у нас головастый. Как думаешь, когда вырастем — мы такими же останемся?

Петя присел на корточки и долго молчал, глядя, как бежит вода.

— Сложно это, Фома. У взрослых куча забот, проблем... Наверное, в душе все остаются детьми, просто свободы у них меньше. В общем, внутри-то мы будем прежними, а на деле — вряд ли.

Фома на секунду притих, глядя в воду, и лицо его стало непривычно серьезным. Но через мгновение он снова вскочил, свистнул и, хохоча, бросился бежать вглубь леса. И Петя, забыв про Гоголя и чистую куртку, помчался за ним.

— Да ладно тебе! — Фома тряхнул головой, сбрасывая с себя серьезные мысли. — Пока это время не пришло, давай радоваться! Догоняй, Петрушка!

Он сорвался с места, обдав Петю брызгами из ручья, и припустил по лесной тропинке. Петя, еще секунду назад рассуждавший о тяготах взрослой жизни, вдруг звонко рассмеялся, отбросил всю свою важность и бросился вдогонку за своим неугомонным другом. Впереди было целое лето, и до взрослой жизни им было еще очень, очень далеко.

ПОЛЯНА

Знакомьтесь, это Лев Козлов и его верный напарник во всех переделках — Марк Кузнецов. Эти двое — друзья неразлейвода. Каждая их встреча превращается в маленький балаган: они вечно носятся, подкалывают друг друга и просто не умеют сидеть на месте. Настоящие озорники, у которых шило в одном месте — и так каждый божий день!

Лев — рыжий, зеленоглазый, с вечно всклокоченными волосами, будто его только что вылизала кошка. Иногда его можно встретить в поварском фартуке — обычно это последствие очередной шумной проказы. Марк от него не отстает: такой же неугомонный и взрывной, только шевелюра у него густого коричневого цвета, под стать самой земле. Глядя на них, понимаешь: скучно этой парочке не бывает никогда

Друзья были буквально неразлейвода, и вот в один из таких дней они так увлеклись своей беготнёй, что и не заметили, как ноги сами принесли их в самую чашу. Заигрались, зашумелись, а когда перевели дух — вокруг только старые ели да тишина. Озорство тут же сменилось лёгким испугом.

Марк остановился, огляделся по сторонам и растерянно

пробормотал:

— Ой, Лёва... а мы где? Скажи, пожалуйста, мы что — в лес забрели? Ой, а как же так вышло-то?..

— Ой, да ладно тебе! Чего трусить-то? Бежим дальше! — задорно крикнул Лёва, махнув рукой.

И они припустили вглубь чащи. Правда, теперь разница между друзьями была видна как на ладони: Марк бежал спотыкаясь, постоянно оглядываясь через плечо, а Лёва нёсся напролом, радуясь новому приключению. После долгого бега по кустам лес вдруг расступился, и ребята замерли от неожиданности.

Перед ними открылась чудесная, спрятанная от чужих глаз поляна, залитая мягким летним светом. Слева высилось старое дерево с грубой темной корой, бросающее прохладную тень на бархатный мох. А в самом центре, в золотистых пятнах солнца, лежало поваленное дерево-великан. Его раскидистые корни и треснувший ствол выглядели по-дикому красиво, будто в сказке.

Над головой плотно сплелись кроны, превратив небо в мозаику из синих лоскутков и ярких лучей. Пахло влажной землей и пряными травами, где-то высоко перекликались птицы, а легкий ветерок нежно шелестел листвой. Это было ме-

сто, где природа чувствовала себя полноправной хозяйкой. В этой тишине и умиротворении озорные друзья вдруг почувствовали себя маленькими гостями в огромном, живом и немного таинственном мире.

— Ой, Лёва, глянь! Дивись, красота-то какая! — ахнул Марк, и страх его тут же испарился.

Мальчишки, забыв обо всем на свете, принялись носиться по поляне, прыгать и карабкаться по веткам. Самый шустрый, Лев, мигом взлетел на дерево-гигант. Усевшись поудобнее на толстой ветке, он глянул вдаль и вдруг замер. Там, среди зарослей, торчал странный железный столб, а на самой его верхушке сидел кот. Да не просто кот, а, судя по всему, сам Кот Баюн.

Лёва сразу вспомнил мамины слова: «Не ходи, сынок, глубоко в лес, Баюн заболтает, усыпит, да и съест живьём». Озорство как ветром сдуло. Лёва кубарем скатился вниз и, запыхавшись, шепнул другу:

— Марк... слушай, там Кот Баюн.

— Где? Настоящий?! — Марк так и подпрыгнул на месте, округлив глаза.

Лёва молча указал пальцем в сторону железного столба. Мальчишки поняли: пора уносить ноги, да только вот беда —

они понятия не имели, в какой стороне дом.

— Может... может, пойдём у него дорогу спросим? — бо-язливо предложил Марк.

— Да ты дурак, что ли? Тоже мне, нашёл у кого спрашивать! Он нас самих вместо ответа слопаёт!

У Марка от страха задрожали губы. Он бессильно опустился прямо на траву и чуть не расплакался:

— И что же нам теперь делать?..

— Тише ты, не реви! — шикнул Лёва, хотя у самого сердце ушло в пятки. — Сейчас что-нибудь придумаем... Главное — не слушай его, если он заговорит.

Вдруг совсем рядом раздался жуткий треск. Сучья ломались с таким грохотом, будто через чащу продирался огромный зверь. Ребята затаили дыхание и прищурились, вглядываясь в густые заросли. Из тени, поскрипывая, медленно выплыла косматая фигура. Это был сам хозяин леса — Леший.

Марк вжался в траву, а в голове у него так и закрутились панические мысли: «Леший! Только его нам не хватало... Мало нам Баюна на железном столбе, теперь ещё и этот! Кого следующим принесёт? Может, сразу Бабу-ягу с её избушкой?!»

Страх сковал друзей: с одной стороны — коварный кот, с

другой — лесной дух, а дороги домой как не было, так и нет. Сказка вокруг стремительно переставала быть доброй.

Леший медленно вышел на свет, поскрипывая, будто старое дерево на ветру. Он оглядел мальчишек с головы до ног и вдруг добродушно усмехнулся в бороду:

— Что, ребята, заблудились в моих владениях? — голос его звучал глухо, как шелест сухой листвы. — Эх вы, горе-путешественники... Что, и Баюна испугались, убежали?

Он стоял совсем рядом, пахнувший хвоей и старым мхом, и смотрел на онемевших от страха друзей, хитро прищутив свои лесные глаза. Похоже, хозяин леса знал об их приключениях гораздо больше, чем им казалось.

— Эх вы, бедолаги... — вздохнул старый лесной дух, качая головой. — Ладно уж, пойдёте, провожу вас. Только чтоб я вас здесь больше не видовал!

Леший поманил ребят сучковатой рукой, и они, всё ещё пошатываясь от пережитого стресса, побрели за ним через густую, незнакомую чащу. Страх перед Котом Баюном постепенно отступал, сменяясь усталостью. Хозяин леса вёл их уверенно, раздвигая ветки, которые сами послушно смыкались за их спинами.

Когда деревья наконец расступились и впереди показалась знакомая опушка, друзья пульей выскочили из леса. Они затормозили, обернулись к тёмной стене деревьев и хором крикнули:

— Спасибо вам большое!

Из чащи донёсся ворчливый, но совсем не злой голос:

— Идите уже, прохвосты! И под ноги смотрите, чтоб ко мне в гости больше не заваливаться!

Лёва и Марк, не чуя ног под собой, припустили в сторону деревни. Озорства в них поубавилось, зато воспоминаний о лесной поляне и её странных обитателях теперь хватит на целую жизнь. Благополучно добравшись до дома, друзья решили, что на сегодня приключений с них точно достаточно.

КАФЕ

Вечер, что для многих был лишь чередой часов, для Михаила Дроздова обернулся чем-то большим. Он сидел в «Кротале» — своём любимом кафе, где время текло особенно неторопливо под шепот кофемашины и уютный джаз. Латте в его руках остывало, но тепло внутри Миши таяло ещё быстрее — слухи о закрытии кафе витали в воздухе, словно дымка. Эта мысль сжимала сердце, и он, не желая верить, пытался удержать каждое мгновение.

Тишину нарушила тень, упавшая на его столик. Перед ним стоял незнакомец. Тёмные кудрявые волосы едва касались плеч, взгляд был пронзительным, но при этом каким-то... лёгким. В его облике чувствовалась какая-то морская свежесть: полосатая футболка проглядывала из-под распахнутой белой рубашки с закатанными рукавами, а поверх — темно-зеленый жилет с витиеватым узором. На плечах покоился легкий шарф, а на запястье мерцали классические часы на коричневом кожаном ремешке. Черные брюки и высокие сапоги довершали образ, добавляя ему некоторой дерзости.

— Здравствуйте! Как вас зовут? — Голос незнакомца был низким, но удивительно мягким.

— Меня?... Михаил Дроздов... А вас? — Миша почувствовал, как какая-то необъяснимая притягательная аура исходила от этого человека, словно гипнотизируя его.

— Очень приятно! Меня зовут Алексей Панков. И я хочу спросить... А что бы вы сделали, чтобы спасти это чертово кафе? Вот что было бы в ваших силах? Что бы вы захотели, если бы я сказал вам, что это ваш последний раз здесь? — В каждом слове Алексея звучала какая-то необычная интрига, обещание чего-то непредсказуемого. Миша почувствовал, что этот вечер перестал быть обычным.

— Ну, я бы сделал все ради того, чтобы спасти его... — Голос Миши был полон решимости.

Алексей резко стукнул ладонью по столу, взгляд его потемнел.

— Так вот, слушайте меня! Если вы готовы перевернуть тут каждый камень, то вы готовы устроиться сюда работать?

Миша вздрогнул. Такой вопрос застал его врасплох. Он окинул взглядом уютное кафе, потом посмотрел в грозные глаза Алексея.

— Да... я готов, — произнес он, чувствуя, как внутри разгорается огонь.

— Превосходно! — Алексей улыбнулся, и мрачность его лица исчезла. — Поймите, Миша, это очень серьезная работа. Кафе на грани, и вам нужно поднять его из грязи в князи за неделю! Вы готовы ради этого магазинчика продать душу?

— Готов... готов на все, — твердо ответил Миша.

Их руки встретились в крепком рукопожатии. Алексей начал быстро посвящать Мишу в детали, словно поток информации обрушился на него. В конце разговора, уже уходя, Алексей обронил: «Первый рабочий день завтра. Жду вас с утра». Миша остался один, в опустевшем кафе, где каждый шорох теперь казался началом новой истории.

На следующее утро Миша пришел в «Кротал» спозаранку, когда город еще спал, окутанный предутренней дымкой. Он принялся за работу, становясь всем сразу: уборщиком, бариста, официантом — человеком-оркестром, заменяющим весь персонал. Время шло, и вскоре порог кафе переступил Алексей. Он, оказывается, был директором.

— Ну что, боец, как ты? — Алексей с улыбкой окинул взглядом Мишу, который уже успел порядком устать.

— Отвратительно... День толком не начался, а я уже измотан, — проворчал Миша, вытирая пот со лба.

— Ну ладно, солнце еще высоко! Так что давай работать!
— подбодрил его Алексей.

Миша трудился весь день без передышки: убирал, принимал посетителей, снова убирал за ними. Каждый час тянулся бесконечно долго, а это был лишь первый из семи дней испытания. Когда городские огни зажглись, Алексей подошел к нему.

— Ну как ты, боец, или все еще трупиком? — с легкой усмешкой спросил он.

— Ближе ко второму... — ответил Миша, едва сдерживая зевок.

Лёша слегка рассмеялся и по-товарищески похлопал его по плечу.

— Слушай, сможешь сделать сегодня рекламу до завтра ради нашего магазинчика? Ты же все-таки на все готов! Ну, сделай, пожалуйста, а я тебя, как сделаешь, награжу! Вот тебе за сегодняшний день, — Алексей вложил в ладонь Ми-

ши купюры. Миша не стал пересчитывать, но по ощущениям там было около десяти тысяч. Мало за такой изнурительный день, но делать было нечего. В его глазах отражалась усталость, но где-то глубоко теплилась искра надежды, что эти усилия не напрасны.

— Эх, ладно, сделаю... — вздохнул Миша, принимая вызов.

Уставший, он поплелся домой. Поздним вечером и до самого утра он корпел над рекламными материалами, а с первыми лучами солнца отправился по всем возможным станциям, что отвечают за показ видео на баннерах. Только после этого он смог добраться до кафе. Быстро прибрался — и снова в круговорот того же самого, что и в первый день.

Так и пролетела неделя, день за днем, в непрерывной работе. В итоге за это время Миша получил около семидесяти тысяч — сумма, которая уже казалась довольно приличной. Когда его мозг, наконец, просветлел и он осознал, сколько может зарабатывать в месяц, глаза его загорелись. С новой вовлеченностью он подумал про себя: «Не так уж и плохо тут работать».

В конце шестого дня, в субботу, к нему подошел Алексей Панков.

— Ну как ты? Устал? — спросил Алексей с хитрой улыбкой. — Надеюсь, нет, и твой мозг достаточно сообразителен сейчас, чтобы осознать новость, которую я тебе озвучу!

— И какую? — Миша почувствовал, как сердце ёкнуло.

— Я тебя повышаю и ухожу в отставку! Теперь владелец заведения ты! Поздравляю! — Панков крепко пожал руку Мише, обнял его и похлопал по спине. — Ты действительно молодец, Михаил.

Миша стоял ошарашенный, слова Алексея эхом отдавались в его голове. Владелец? Он? Солнце, пробивающееся сквозь окна кафе, казалось, светило теперь по-особому, освещая начало совершенно новой главы в его жизни.

На следующий день Миша пришел в кафе с гордо поднятой головой, чувствуя себя настоящим командиром. Теперь это было его место, его царство. Но гордость быстро сменилась привычной рутинной — он снова был один, без сотрудников, и приходилось работать за всех.

В середине дня к нему подошли двое в полицейской форме.

— Здравствуйте, вы владелец заведения? — спросил один из них.

Миша растерянно посмотрел на них.

— Да, а что такое, господа полицейские?

Не прошло и секунды, как его уже вели в отделение. Миша не мог понять, почему именно его забрали. Все прояснилось позже, когда стали известны детали: бывший владелец заведения, Алексей Панков, оказался замешан в криминальных делах. Но по каким-то причинам личность настоящего владельца установить не смогли, и полицейским пришлось задержать Мишу.

Потом, сидя в камере, он услышал по телевизору передачу, связанную с кафе:

— Эх, зрители, ну и досталось же этому месту... Судьба такая, что врагу не пожелаешь. Прошлый хозяин всё пустил по ветру: влез в какую-то грязь и просто загубил точку. Но я вам так скажу: я его из этой ямы вытяну. По совести всё сделаю, честно. Хочу, чтобы здесь снова жизнь была, настоящая. Поднимем заведение с колен, вот увидите. Еще задышит оно по-доброму.

И тут Миша смог разглядеть, кто говорил эту пламенную речь по телевидению. Это был Алексей Панков. Глаза Миши расширились от шока, и он вдруг понял всю чудовищность ситуации. Он был пешкой в чужой игре, а его «спасение» кафе оказалось лишь частью тщательно продуманного плана.

МОЕ ВАМ НЕСМЫСЛИЕ

Был обычный март. Евлампий Бобров стоял на балконе своей хрущевки на четвертом этаже. На нем была привычная белая рубашка и мешковатые брюки. В руках — кружка горячего кофе, чей аромат был для него главной радостью утра.

Сверху люди казались Евлампиию суетливыми тараканами. Они бежали по делам, запертые в сером шаблоне «просто жить». Бобров же давно решил: чтобы не задохнуться в этой скуке, нужно нести в мир смех. Он работал комиком на известном телеканале, и гонорары волновали его меньше, чем осознание собственного пути. Евлампий верил, что умение видеть смысл в бытовых мелочах — это великий дар, к которому нужно идти годами.

Допив кофе, он вернулся на кухню. Первым делом насыпал корма Витале — попугаю с вызывающе ярким оперением. Виталья, едва завидев еду, впал в эйфорию и устроил настоящую какофонию:

— Виталья сыт! Виталья поел! Виталья доволен! — орал он, нарезаая круги по квартире, пока сам не залетел в клетку.

Бобров закрыл дверцу и добродушно ворчал, глядя, как

птица забавно подергивает головой:

— Надо бы тебя приучить в клетке обедать, как порядочного, а то ешь с тарелки прямо на столе. Тоже мне, царь нашелся!

Попугай шутку не оценил и тут же сменил тон на жалобный:

— Виталя хороший... Виталю надо выпустить...

Евламий усмехнулся и приоткрыл дверцу:

— Ладно тебе, Виталя, шучу я. Хороший ты, летай. Только делов мне тут не натвори.

Довольный попугай в ответ начал забавно раскачиваться из стороны в сторону, празднуя свою маленькую свободу.

Евламий начал быстро собираться. Это был молодой мужчина среднего телосложения, с каштановыми волнистыми волосами, которые вечно пребывали в творческом беспорядке. Он накинул светлую рубашку с коротким рукавом, оставив её навыпуск, — просто и по-летнему, несмотря на март за окном. Застегнув пуговицы, он на секунду замер у зеркала в расслабленной позе, проверяя, всё ли взял.

— Виталя, я убежал! — крикнул он на всю квартиру.

Первым делом нужно было заскочить в магазин: запасы корма для Витали таяли быстрее, чем весенний снег, а оставлять «царя» без обеда было опасно для сохранности мебели. Хлопнула входная дверь, и Бобров стремительно направился по делам, оставив попугая хозяйничать в комнате.

В магазине Евлампия встретила привычная картина. Толпы людей бродили между прилавками: кто-то пришел развеяться, кто-то — просто закупиться едой, чтобы выжить, а кто-то — откровенно от скуки. Но всех их объединяло одно — механические движения. Они двигались на автомате, словно не понимая, зачем они здесь и в чем смысл этого ритуала.

«Да уж, наши городские „серовики“ дают жару... — усмехнулся про себя Евлампий, глядя на поникшие лица. — Все скучные, будто наполовину убитые рутинной. Вот поэтому я и твержу себе постоянно: ищи смысл во всём, даже в походе за хлебом».

Быстро набрав полную корзину, Евлампий уже собирался на кассу, как вдруг услышал разговор двух пожилых женщин.

— Слушай, Ира, а давай завтра в парк сходим? Хоть развеемся немного! — предложила одна.

— Да ну его, этот парк... — отмахнулась вторая. — Смысла-то? Все равно нам недолго осталось.

Первая старушка тут же поникла, в глазах ее отразилась тоска. Она лишь тихо вздохнула:

— Да... недолго.

«Это же распространяется как зараза!» — пронеслось в голове у Боброва. Он не выдержал, подошел ближе и с улыбкой вмешался:

— Да что же вы печалитесь раньше времени! Даже если времени не так много, это не повод нос вешать. Наоборот — нужно ловить каждый момент! Сходите в парк, подышите, посмотрите, как природа просыпается. Это же целое приключение!

Старушки удивленно переглянулись, их лица просветлели. На губах появилась робкая улыбка, и они тут же принялись обсуждать, в чем завтра пойдут гулять. А Евлампий, довольный маленькой победой над серостью, уже скрылся за поворотом, оставив за собой шлейф хорошего настроения.

Дома Евлампий пулей влетел в квартиру и спрятал пакет с кормом под стол.

— Виталя! — крикнул он. — Корм под столом, до вечера не трогать, понял?

Попугай хитро прищурился, склонил голову набок и прокрипел:

— Виталя подумает...

— Я тебе сейчас подумаю! — в шутку пригрозил Бобров, показав кулак.

Виталя тут же встрепенулся, расправил крылья и затараторил:

— Ладно, ладно! Виталя не думает!

После этого Евлампий отправился в путь — съемки проходили в соседнем городе. Ему предстояло работать весь вечер напролет, до самой ночи, выплескивая со сцены весь свой запас юмора.

Едва добравшись до студии, он буквально влетел в кадр под свет софитов.

— Ну что, господа, мы снова вместе! — воскликнул он, широко улыбаясь.

Бобров изящно поклонился и картинным жестом снял

невидимую шляпу перед залом, в котором замерло больше сотни зрителей в ожидании чуда. Март за окном был серым, но здесь, под прицелом камер, Евлампий был готов раскрасить этот мир заново.

— Начнем наш вечер с первого выстрела! — провозгласил Евлампий, едва дождавшись тишины. — Сидят двое нищих. У одного табличка «еврей», у другого — «русский». Перед «русским» гора денег, а «еврею» никто ни копейки не даст. Наконец, один жалостливый прохожий шепчет «еврею»: «Слушай, друг, смени табличку, а то так голодным и останешься». Тот поворачивается к напарнику и говорит: «Хаим, ты слышал? Этот поц еще будет учить нас коммерции!»

Зал буквально взорвался. Сотни людей покатались со смеху, и этот грохот волной ударился в стены студии, разлетаясь звонким эхом. Евлампий стоял в лучах софитов, впитывая этот звук — единственный звук, который по-настоящему пробивал серую броню повседневности.

— Так, вспомнил еще один, дорогие мои! — подмигнул Евлампий, переждав первую волну смеха. — Подходит мужик к таксисту, обходит машину кругом и ворчит: «Слушай, а что это у тебя цвет какой-то непонятный? И слово „ТАКСИ“ косо написано! Да и шашечки как будто курица лапой рисовала!» Таксист на него посмотрел и спокойно так спра-

шивает: «Мужчина, вам шашечки нужны или ехать?»

Сцена повторилась: зал снова утонул в грохоте хохота. Веселье захлестнуло студию, превращая серьезных взрослых людей в компанию старых друзей, которым наконец-то стало легко на душе. Бобров стоял на сцене, довольный тем, что его «ежедневный бой с серостью» сегодня явно идет в его пользу.

— А теперь, друзья, перейдем к социальному опросу! — Евлампий внезапно посерьезнел и подошел к самому краю сцены.

Он выбрал в первом ряду мужчину в строгом пиджаке и доверительно склонился к нему:

— Послушайте, а какое у вас любимое блюдо?

— Мое? — мужчина замялся, а потом неуверенно ответил: — Ну, каша...

— А можно уточнить? — Бобров хитро прищурился. — Та, что в голове, или всё-таки то, что в тарелке?

Зал снова взорвался хохотом, и даже «жертва» опроса не выдержал — расплылся в улыбке, оценив подколку. Вечер окончательно перестал быть просто телешоу, превратившись в сеанс массового исцеления от скуки.

— А теперь послушайте... — Евлампий на мгновение замолчал, словно погружаясь в воспоминания. — В детстве я обожал фильмы про пиратов. Знаете, чему самому главному я у них научился? Когда пушки начинают говорить, надо уметь их перебивать!

В зале повисла секундная тишина, прежде чем до зрителей дошел глубокий смысл этой фразы, и новый шквал аплодисментов накрыл студию. Бобров стоял в свете прожекторов, чувствуя, как серость мартовского дня окончательно отступает перед этой искрой настоящего момента.

— Помню, как-то раз в школе мы поехали в поход, — Евлампий мечтательно прикрыл глаза, — лес, палатки, костер... И один мой друг решил позвать к нам «на огонек» сына местного пожарного. И знаете, какой мой вам совет? Самое глупое в этой жизни — приглашать на огонек пожарного или его родственников!

Зал снова взорвался хохотом. Бобров развел руками, изображая немую сцену у потухшего костра, и зрители, представив эту картину, зашлись в новой волне веселья. Энергия в студии была ключом — серая мартовская реальность была окончательно разбита вдребезги.

— Знаете, наблюдая за людьми, я понял одну вещь: смысл

жизни нужно искать во всем... — Евлампий выдержал театральную паузу, обводя зал взглядом. — Так вот, я наконец-то вычислил, в чем заключается высший смысл жизни для одной конкретной нации. Смысл жизни шотландца — это доносить до дыр юбки своей жены!

Зал снова покотился со смеху. Бобров довольно прищурился, глядя на сотни сияющих лиц. Сегодня он снова выполнил свой план: вырвал этих людей из серой спячки и заставил их почувствовать вкус настоящего момента.

Внезапно посреди зала поднялась пожилая дама. Несмотря на почтенный возраст, она выглядела эффектно: седые волосы до плеч, обтягивающее серое платье, подчеркивающее силуэт «песочные часы», и легкий кардиган. На шее поблескивал янтарь, пальцы в кольцах и браслетах подрагивали, а кожа рук и шеи, тронутая возрастной пигментацией, выдавала долгую, непростую жизнь.

— Да какой прок в ваших шутках! — звонко бросила она, и в студии мгновенно стало тихо. — Они же никому не помогают! Какая от них вообще польза обществу?

Евлампий ничуть не смутился. Он хитро прищурился, поправил воображаемый галстук и спокойно ответил:

— Уж простите, сударыня, но смысл есть во всем — это абсолютная истина. Если вы не в силах разглядеть его из-за своей... э-э... внушительной фигуры, то боюсь, смысл так и будет от вас ускользать. Хотя в тапках на кошке его ищи, хоть в самой жизни. Может, вам для начала стоит проверить, надежно ли стоит ваш стул?

Зал ахнул, а потом снова взорвался — на этот раз смесью смеха и удивления от такой дерзкой отповеди. Бобров продолжал стоять с невозмутимым видом, уверенный: даже в такой стычке есть свой особый смысл.

— Да как ты посмел! — вскипела дама, звеня браслетами на изможденных руках. — Я буду жаловаться твоему начальству!

Евламий картинно замер. Он медленно задрал голову к потолку, вглядываясь в хитросплетения софитов, а потом обвел недоуменным взглядом весь зал.

— Мое начальство? — переспросил он с самым невинным видом. — Это кто же? Разве тут есть кто-то выше меня?

Он выдержал паузу, наслаждаясь тишиной, и добавил с легкой усмешкой:

— Ну, если вы всерьез считаете, что здесь есть кто-то важнее и... ниже меня, то можете пожаловаться своему отражению. Или, на крайний случай, своему билету. Он, по крайней мере, выслушает вас молча.

По залу прокатился одобрителный гул. Бобров стоял непоколебимо, как капитан на мостике, давая понять: в его мире серость и скучные жалобы не имеют никакой власти.

Женщина, вспыхнув от негодования, стремительно вышла из зала, громко цокая каблуками.

— Видимо, пошла звонить своему психологу... или всё-таки билету на это представление? — бросил ей вслед Евлампий под одобрителный гул толпы. — Ну а мы, пожалуй, продолжим!

И он продолжил. Шутки летели одна за другой, разбивая тишину зала и вытягивая из людей искренний, живой смех. Бобров не жалел сил, выкладываясь на полную, пока стрелки часов не перевалили за полночь.

Домой он вернулся уже глубокой ночью. Уставший, но с тем самым чувством наполненности, которое заменяло ему и деньги, и похвалу начальства. В тихой хрущевке его ждала темнота, запах остывшего кофе и мирное посапывание Ви-

тали в клетке. Мартовский день закончился, оставив после себя сотни улыбок, а значит, смысл был найден и в этот раз.

Зайдя на кухню, Евлампий увидел, что Виталя всё-таки не удержался: попугай сидел под столом и увлеченно доедал рассыпанный по полу корм. Стоило хозяину появиться на пороге, как птица сорвалась с места и с восторженным криком приземлилась ему на плечо.

— Виталя всё видел! Виталя всё слышал! — залопотал он, прижимаясь к щеке Боброва. — Ты молодец! Ты хороший! Хороший!

Евлампий устало улыбнулся и ласково погладил яркие перья на голове своего верного зрителя. Сил раздеваться уже не было. Он дошел до комнаты и пластом рухнул на диван. Виталя тут же перебрался на подлокотник, устроившись рядом с хозяином.

В ночной тишине хрущевки, под мерное дыхание засыпающего комика и тихий шорох крыльев, мартовская тьма уже не казалась такой серой. Смысл был здесь, в этой комнате, и завтра его предстояло найти снова.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Меня зовут Федор Беспалов. Не знаю, кто найдет эту записку, но знайте — нас всех грызет то, от чего человечество уже никогда не оправится.

Немного о себе, пока есть время. Я обычный парень, невысокий, зеленоглазый, волосы светлые. Одеваюсь просто — футболка, мешковатые штаны, сверху рубашка. Раньше мне этого хватало для счастья. Но сейчас я должен предупредить: если так пойдет и дальше, мы все исчезнем.

На календаре 2535 год. Пожалуй, это самое паршивое время в истории. Я изучал старые книги и фильмы, я вижу, как наше поколение разучилось общаться. Живое слово умерло. Наши улицы — это не улицы, а сплошные цифровые голограммы. Люди стоят рядом, но не друг с другом. Каждый шепчется со своим голографическим другом, с искусственным интеллектом. А если я пробую заговорить с кем-то живым, на меня смотрят как на больного. Подарят презрительный взгляд и снова отворачиваются к своему роботу.

Я едва ли не единственный, кто еще пытается сохранить рассудок в этой бездне. У меня осталось двое друзей. Мы собираемся втайне и просто говорим. Мы прозвали себя тро-

ницей цифровых нигилистов, потому что отрицаем такой порядок вещей.

Мой друг, Кирилл Попов, как-то предложил идею. Он сказал, что если мир стал таким технологичным, мы должны использовать их же оружие. Создать машину времени, вернуться в прошлое и уничтожить тех, кто ввел эти технологии. Пусть мы застрянем в том времени навсегда, зато там люди еще будут живыми.

А второй друг, Егор Королев, предложил другое. Он считает, что нужно найти главный сервер и разрушить всю систему разом. Чтобы уничтожить эту клетку, нужно бить не по деталям, а по самому корню.

Не знаю, куда нас это приведет, но мы попробуем. Если вы читаете эти строки, значит, меня уже нет в живых или нас повязали за борьбу против прогресса. Просто знайте: берегите живое общение, пока оно у вас есть.

ЗЕРКАЛЬНОЕ ЭХО

Познакомьтесь с нашим героем — это Егор Степанович Гущин. Ему едва перевалило за сорок пять, но жизнь по нему так проехала, что выглядит он как изношенный старик. Сам низенький, худенький, спина вечно сутулится под тяжестью невидимых забот. Нос у него крупный, выдающийся, а глазки маленькие, зеленоватые, словно два недозревших крыжовника. Волосы у Степаныча серо-землистого цвета, а кожа на лице всегда красная, будто он только что выскочил из жаркой бани на мороз.

Живется ему, честно сказать, несладко. Вся его жизнь — это бесконечная попытка свести концы с концами. Живет он на одну скромную пенсию, которую делит ровно на две части. Первую половину сразу, скрепя сердце, отдает за квартиру: счета за воду и свет нынче кусаются. На вторую половину нужно как-то умудриться прокормить себя целый месяц, да еще и отложить хоть капельку на черный день. Больше всего на свете Степаныч боится заболеть — для него поход в аптеку означает полное разорение. Даже одежду он носит с такой осторожностью, будто она из тончайшего хрусталя: не дай бог порвать или испачкать, ведь на новую рубаху денег не собрать и за год.

Обитает он в обычном сером городе, где всё кажется ему тусклым и одинаковым. День сменяется днем, как две капли воды. Чтобы не сойти с ума от тишины, Егор Степанович читает. В ход идут старые газеты и стопками сложенные книги, которые он перечитал уже раз по десять, не меньше. Порой ему кажется, что он знает каждое слово в этих пожелтевших томах наизусть, но других развлечений нет.

Единственная его отдушина — это кухня. Готовка для Гущина — настоящее таинство. Он любит открывать для себя что-то новое, даже школьную химию вспоминает, чтобы лучше понимать, как там что в кастрюле бурлит. Свои кулинарные шедевры он бережет как сокровище: приготовит что-нибудь и старается растянуть удовольствие на неделю, а если повезет — то и на две. Смакует каждый кусочек, ведь неизвестно, что будет завтра.

С семьей у него не сложилось. Когда ему было всего двадцать, жизнь дала трещину. Была у него любимая девушка, уже о свадьбе думали, но в последний момент она от него отвернулась. Ушла к мужчине побогаче, оставив Егора с разбитым сердцем. Он тогда на несколько лет провалился в глубокую тоску, горевал так, что дышать было больно. Но потом ничего, потихоньку поднялся с колен, отряхнулся и стал жить дальше, как умел.

Однажды вечером, когда небо над городом стало нежно-сиреневым, Егор Степанович гулял в парке. Он подошел к берегу тихого озера и заглянул в воду. Глядя на него из глубины, отражение вдруг изменилось. Он увидел там не старика, а другого себя — молодого, крепкого, удивительно красивого. У того, озерного Егора, были широкие мускулистые плечи, ясный взгляд и аккуратный нос, совсем не похожий на нынешнюю «картошку».

Степаныч долго смотрел на этого прекрасного незнакомца, который мог бы быть им самим в другой, счастливой жизни. Он тяжело вздохнул, поправил свою поношенную куртку и негромко произнес:

— Да как же я счастливо живу да проживаю!

И, не оборачиваясь, он пошел прочь от берега. В его голове не было ни капли издевки или злобы. Он уходил спокойным шагом, ни о чем не жалея и принимая свою тихую, бедную, но понятную ему жизнь именно такой, какая она есть.

ТИХИЙ ГОРОД

Запись №1

Зовут меня Иванов Михаил Фёдорович. Мне двадцать с небольшим лет, внешность самая обычная: светлые волосы, голубые глаза, нос аккуратный, телосложение среднее. Но, честно говоря, плевать я хотел на то, как я выгляжу. То, что сейчас со мной происходит — это какой-то затянувшийся абсурд. Я живу внутри безумия, которое невозможно описать словами, и этот дневник — моя единственная попытка зафиксировать происходящее в этом странном городе.

Я приехал сюда всего полгода назад, и с тех пор моя жизнь превратилась в добровольное заточение. Из квартиры почти не выхожу. Всё, что мне нужно, заказываю с доставкой, и каждый раз прошу курьера оставить пакет под дверью. Жду, пока шаги в коридоре затихнут, и только тогда забираю заказ. С соседями не вижусь принципиально.

Люди здесь... они нереальные. Такое ощущение, что я провалился в параллельную реальность или нахожусь внутри одной огромной психиатрической больницы. Все вокруг ходят с натянутыми, блаженными улыбками. Зрачки у них

вытаращены, а взгляд устремлен в никуда, словно они все находятся под мощным гипнозом. Стоит мне оказаться на улице, как они все — разом, единогласно — поворачивают головы и смотрят на меня. Как на чужака, как на какую-то системную ошибку. Я верю, что в моем пребывании здесь есть какой-то смысл, и очень надеюсь, что не сломаюсь. Пока у меня нет прямых доказательств того, что они зомбированы, но я буду наблюдать. Я буду записывать всё.

Запись №2

Записываю это впопыхах, только что вбежал в квартиру. Сегодня на моих глазах случилась авария. Я замер и стал наблюдать за лицами прохожих. Справа, слева, напротив — у всех было одно и то же выражение. Они продолжали улыбаться. Машины всмятку, скрежет металла, а они стоят как куклы, натянув свои дурацкие маски. Никто не бросился помогать, никто не вскрикнул от испуга. Они просто молча смотрели на катастрофу, оставаясь не людьми, а какими-то пластмассовыми манекенами. Теперь я точно знаю: что бы ни произошло, их мимика не изменится. Это пугает до дрожи.

Запись №3

Только что проснулся, и в голову пришла жуткая мысль. А вдруг они все состоят в каком-то тайном культе? Может, по ночам, пока я сплю, они собираются и поклоняются чему-то неведомому? Или же я сам потихоньку схожу с

ума в этом тихом городке? Какой вообще смысл в моих рассуждениях... я ведь просто хочу жить. Но, наверное, смысл всё же есть. Когда я записываю эти закономерности, мне становится чуть спокойнее. Кажется, если я пойму процесс, то смогу адаптироваться. Так будет легче выжить.

Запись №4

Прошел месяц. Мои сбережения, какими бы крупными они ни казались раньше, начали таять. Для полноценной жизни здесь нужны деньги, а значит, пора искать работу. Но как мне работать среди них? Они ведь почти не разговаривают. Как их понимать? По жестам? По тому, как они скалятся? Я же не менталист какой-нибудь, чтобы мысли читать через эти пустые улыбки.

Запись №5

Кое-как устроился, работаю уже целый месяц. На удивление, всё проходит тихо. Я просто выполняю свои обязанности, стараюсь не высовываться и лишний раз не смотреть по сторонам. На меня всё так же косятся и улыбаются, а я в ответ просто киваю — мол, всё в порядке, претензий нет. После этого они обычно уходят. Кажется, я нашел обходной путь, как жить в этом дурдоме без вечных стрессов и нервных срывов. Когда каждый день видишь одну и ту же застывшую картину, постепенно привыкаешь даже к самому страшному. Главное — продолжать играть по их правилам.

Запись №6

Адаптация адаптацией, но то, что за мной начали ходить до самого дома, пугает до дрожи. Вчера возвращался с работы очень поздно, кругом темень, и кожей чувствую — за мной наблюдают. Сначала думал, показалось, списал на тени. Но потом услышал шаги. Отчётливый стук обуви по асфальту. Это не кошка и не собака, тем более что животных в этом городе я вообще не видел — ощущение, будто их всех здесь перетравили или вырезали. Я резко обернулся, а сзади — никого. Пустая улица. Либо я окончательно схожу с ума, либо здесь творится какая-то запредельная чертовщина.

Запись №7

Всё, с меня хватит. Я уезжаю! Это уже совсем не смешно. Сегодня я всё-таки поймал того, кто за мной хвостом тащится. Когда я заскочил в подъезд и поднялся к себе, то сразу кинулся к окну. Он стоял внизу и смотрел прямо на мой этаж. Вот откуда он узнал, в какой я квартире? Какие у него, к чёрту, сенсорные способности? Это выглядит за гранью реальности. Я не знаю, чем это кончится, если я останусь, так что планирую побег. Причём сделать это нужно максимально быстро, пока они не перешли к действиям.

Запись №8

У меня созрел план. Я соберу нехитрый механизм, кото-

рый подождёт квартиру, когда меня уже не будет внутри. Пока всё будет полыхать, я буду далеко в машине. Пускай думают, что я сгорел вместе со всеми своими вещами. Инсценирую самоубийство, чтобы они не бросились в погоню. Только так я смогу вырваться из этого проклятого места.

Запись №9

Всё едва не накрылось медным тазом. Когда наступил час икс, квартира почему-то не вспыхнула сразу, как я рассчитывал. Я сидел в машине, сердце колотилось в горле. И тут я увидел их. Целая толпа жителей вышла на улицу. Они не пытались тушить, не звали на помощь. Они просто стояли плотным кольцом вокруг моей машины и пялились на меня своими пустыми, улыбающимися лицами. В этот момент я сорвался. Просто вдавил педаль газа в пол и протаранил этот морок. Я гнал по трассе, не разбирая дороги, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что от страха даже забыл название города, из которого только что сбежал. И вспоминать его я не хочу.

ПАРАДОКС

Представьте себе обычный уютный вечер. Вы сидите в своей светлой комнате, отдыхаете и лениво листаете новости в телефоне. И вдруг натываетесь на статью о парне по имени Филипп Романович Пономарев. Текст так и пестрит восторгами: в свои восемнадцать Филипп добился всего, о чем только можно мечтать. Золотая медаль, красный аттестат, высшие баллы на всех экзаменах без исключения. Кажется, перед нами идеальный ученик, которого ждет невероятное будущее.

В конце статьи журналисты, сияя от гордости за юное дарование, задают ему стандартный вопрос:

— Филипп, как тебе это удалось? Что нужно делать другим, чтобы стать таким же успешным, как ты?

И парень отвечает совершенно спокойно, без тени радости:

— Меня просто заставили быть таким. Меня принудили.

Репортеры, конечно, тут же превратили это в шутку, мол, парень просто скромничает или устал от учебы. Но если вчитаться в описание дальше, становится не по себе. От этого Филиппа веет жутким хладнокровием. Такое ощущение, что

внутри у него совсем нет эмоций, а человеческий фактор — та самая живая искра, которая есть в каждом из нас, — ему просто неведом.

Да, он стал успешным, он достиг всех возможных вершин. Но какой ценой? Глядя на него, видишь не полного сил юношу, а серого, выгоревшего человека. Он напоминает тех стариков, которые за долгую жизнь разучились радоваться новому и видеть в мире красоту. Филипп построил блестящую карьеру к восемнадцати годам, но при этом напрочь выжег в себе душу. А ведь именно это живое, духовное состояние и есть самое ценное, что дано человеку. И никакие медали этого не заменят.

НАШЕ ПОНИМАНИЕ

Город задыхался в собственном однообразии, скованный липкой осенней серостью. Между безликими многоэтажками растянулась пустая улица — холодная, вытянутая в безупречную линейную перспективу. Недавний ливень превратил асфальт в глянцевое зеркало, в котором дрожали и плыли искаженные отражения бетонных фасадов и низкого свинцового неба. Дорога и пустынные тротуары вели лишь в одну точку — к тусклому огоньку небольшого кафе. Пронизывающий ветер бесцеремонно обдувал пустые углы, а воздух, тяжелый и влажный, предвещал скорое продолжение дождя. Обычный вечер. Здесь никогда не происходило ничего удивительного.

Внутри заведения, в косых лучах лампы, сидел Степан Степанович Матвеев. Его темные короткие волосы и отчетливый контур правого слухового раструба выделялись на фоне размытого, словно лишённого фокуса лица — черты его ускользали от взгляда, не позволяя составить четкого портрета. Он кутался в тяжелое темное пальто с широкими лацканами, а шею плотно сдавливал шарф, переливающийся сумрачными оттенками.

Напротив него расположился Артём Владимирович Олей-

ников — человек среднего телосложения с мягкими, чуть вьющимися волосами. На нем был темно-оливковый вязаный свитер с молнией на воротнике, под которым угадывалась бежевая рубашка и небрежный узел темно-красного галстука. Синие джинсы и простой черный ремень завершали его облик.

Степан беспокойно огляделся по сторонам и негромко произнес:

— Ну что, Владимирович... как оно поживается-то? Как дела твои скорбные?

— Да какие тут дела, Степаныч! — Артём горько усмехнулся. — Всё серо кругом, всё худо.

— И с чего ты это взял?

Олейников вскинул взгляд исподлобья и, криво ухмыльнувшись, отчеканил:

— Взял? Нет, Степаныч. Я вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.